

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-387-410

EDN: OOOVLX

Научная статья / Research article

Рабство у древних майя: терминология, экономические функции и правовой статус

Д.Д. Беляев

Российский государственный гуманитарный университет, *Москва, Российская Федерация*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ lakamha@mail.ru

Аннотация. Тема исследования связана с анализом данных о рабстве в социально-экономической системе общества древних майя. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного привлечения словарных и текстуальных данных, происходящих из постклассического и раннеколониального периодов, а также критического пересмотра данных иероглифических текстов. Цель исследования — выделить основные термины для обозначения рабов, выявить основные функции рабов и определить их социальный статус. Определено, что все исторические словари языков майя включают общую базовую терминологию (*mun* «раб», *winik* / *winak* «зависимый человек»), при этом дополнительные термины разнятся довольно сильно. Внутри широкой категории различались рожденные в неволе и купленные рабы, в особую группу отнесены военнопленные, для которых существовали особые обозначения. Ни в одном из проанализированных словарей нет слова для долгового или кабального раба, хотя источники свидетельствуют, что это был один из важных способов пополнения рабов. Рабы воспринимались как имущество своих хозяев. Рабыни в основном выполняли домашнюю работу, в то время как рабы использовались на различных тяжелых работах (расчистка и обработка полей, переноска тяжестей, рыболовство). Потомки рабов были исключены из наследования и воспринимались как люди низкого происхождения даже по прошествии нескольких поколений. В целом статус рабов был достаточно низким и существенно отличался от статуса свободных.

© Беляев Д.Д., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: древнемайяское рабство, социальная организация, эпиграфика, раннеколонизальные источники

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.02.2026; принята к публикации 27.04.2026.

Для цитирования: *Беляев Д.Д.* Рабство у древних майя: терминология, экономические функции и правовой статус // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 387–410. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-387-410> EDN: OOOVLX

Slavery among the Ancient Maya: terminology, economic functions and legal status

Dmitri Beliaev

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

✉ lakamha@mail.ru

Abstract. This research focuses on the analysis of the place of the slavery in the social and economic system of the Ancient Maya society. The relevance of the study is defined by the necessity of comprehensive re-analysis of the lexical and textual data from the Postclassic and Early Colonial sources, as well as a critical review of the data from the hieroglyphic texts. The main objective is to identify key terms for slaves, identify their primary functions, and determine their social status. The study revealed that all historical vocabularies of the Mayan languages share a common core terminology (*mun*, “slave”, *winik* / *winak* “dependent person”), although additional terms vary considerably. Within this broad category, a distinction was made between slaves born in captivity and purchased ones, with prisoners of war forming a separate group designated by special lexemes. None of the analyzed vocabularies contain a word for debt bondage, although sources indicate that this was an important way of recruiting slaves. Slaves were perceived as the property of their masters. Female slaves primarily performed domestic work, while male slaves were used for various heavy labor tasks (clearing and cultivating fields, carrying heavy loads, fishing). The descendants of slaves were excluded from inheritance and were perceived as people of low birth even after several generations. Overall, the status of slaves was quite low and differed significantly from that of free people.

Keywords: Ancient Maya slavery, social organization, epigraphy, Early Colonial sources

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 18.02.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Beliaev D. Slavery among the Ancient Maya: terminology, economic functions and legal status. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):387–410. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-387-410> EDN: OOOVLX

Введение

Вопрос места и роли рабства в социальной и экономической организации ранних цивилизаций традиционно был одним из важнейших в российской исторической науке. Начиная с 1930-х гг., когда В.В. Струве¹ выдвинул теорию о рабовладельческом характере древневосточных обществ, концепция рабовладения стала одним из ключевых элементов советской науки о древности. С обращением советской науки к доколумбовым цивилизациям Америки этот вопрос встал и перед исследователями-индеанистами.

Проблема рабства у майя в историографии

В российской историографии первым к проблеме рабства у майя на основе анализа источников обратился Ю.В. Кнорозов. Поскольку в его концепции важную роль играло обоснование типологической близости майя и древневосточных обществ (древнейший Шумер и Египет) [1], вопрос о рабстве стал одним из основных при оценке социального строя обществ доколумбовой Америки. Кнорозов полагал, что рабовладение у майя было довольно развитым, но наряду с ним сохранялась община, расслаивавшаяся на рабов и рабовладельцев. Элиту майяских городов-государств он определял как «военно-рабовладельческая знать», а основными группами незнатного населения считал общинников и рабов [1. С. 37–38]. Специальный анализ древнемайяского рабства основывался на сведениях Диего де Ланды и «Сообщениях из Юкатана». По мнению Кнорозова, хотя сведения о рабовладении скудны, количество рабов было очень велико. Главным источником рабства он считал захват военнопленных и, ссылаясь на «Сообщение из Хокаба», отмечал, что «[в] ойны часто велись только для того, чтобы добыть рабов» [1. С. 39]. Вторым источником рабства были наказания за преступления (кража, убийство). Существовала развитая работорговля, рабы использовались практически на всех работах (земледелие, строительство, транспортировка грузов [1. С. 39–40]. «Можно предполагать, — отмечал ученый, — что рабовладение утратило патриархальный характер уже в первые века нашей эры, когда возникали города-государства» [1. С. 40–41]. Основные постулаты Кнорозова воспроизводились в последующих обобщающих трудах советской эпохи.

Р.В. Кинжалов дополнил собранные Кнорозовым материалы данными по горной Гватемале. Он полагал, что у майя рабство получило большее развитие, чем в других мезоамериканских обществах, но в то же время, хотя в некоторых регионах рабов было значительное количество, их было меньше, чем рядовых общинников [2. С. 111, 128–129].

¹ Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М. : Соцэкгиз, 1934. Вып. 77.

Наиболее детально вопрос о рабстве в обществе майя накануне испанского завоевания с привлечением материалов с Юкатана, земель чонталей и горной Гватемалы разобрал В.И. Гуляев [3. С. 226–230]. Хотя его основные выводы (основным источником рабства была война, а дополнительными — наказание за преступления и неуплату долгов; существовала широкая работорговля) не отличаются от кнорозовских, он первым из российских исследователей обратил внимание на то, что за термином «раб» в раннеколониальных индейских и испанских источниках могли скрываться и другие группы зависимого населения, которые можно обозначить как «зависимые работники рабского типа» по И.М. Дьяконову [3. С. 228]. В другом месте В.И. Гуляев называет их «женатые рабы» [3. С. 227]. Исходя из отнесения общества майя к категории раннеклассовых, он полагал, что число рабов было невелико, а основную массу населения составляли свободные. Для подтверждения этой идеи Гуляев опирается на проанализированные в 1960-е гг. П. Карраско данные из Центральной Мексики (город Тепостлан), где рабы в узком смысле (tlacohtin) составляли 1,45 % населения.

После того, как вопрос о рабовладении утратил свою теоретико-методологическую актуальность, его обсуждение в российской историографии практически прекратилось, хотя авторы отмечают, что рабы и рабовладение часто упоминаются в источниках [4. С. 147–149; 5]. В.В. Федюшин считает, что роль рабства и рабского труда в производстве была достаточно высокой [6. С. 47–48].

В западной историографии вопрос о рабстве никогда не играл особенно важной роли для определения характера общественного строя доколумбовых обществ. На ранних этапах развития мезоамериканистики (вторая половина XIX — первая половина XX в.) основной упор делался на искусство, архитектуру, календарь и религию, а вопросы социальной организации занимали исследователей мало. Поэтому рабство упоминалось вскользь, когда о нем сообщали источники. Зачастую считалось, что основной функцией рабов было стать жертвами для богов (см., например, для майя [7. Р. 61–62, 76, 87], науа [8. С. 35]). В случае с майя распространено мнение о позднем, только в XIII в., появлении рабства, основанное на сообщении Диего де Ланды, что первым стал обращать в рабство правитель Майяпана Коком [9. С. 316; 10. С. 35–36]. В то же время авторы отмечают довольно активную работорговлю [7. С. 76; 11. Р. 72; 12. Р. 202]. А. Тоззер в развернутом историко-этнографическом комментарии к «Сообщению о делах в Юкатане» Диего де Ланды отметил, что рабство было обычным в доколумбовы времена и привел множество параллельных свидетельств, однако не попытался дать даже общую характеристику рабства [10].

Первые работы, посвященные социальному строю майя, появляются в 1940-е гг. [13]. Основные выводы Р. Ройса относительно рабства у юкатанским майя накануне Конкисты практически совпадают с кнорозовскими:

было много рабов, принадлежавших знати или общинной верхушке, основной источник рабства — война, а также наказания за правонарушения. При этом автор подчеркивает, что раба могли выкупить его родственники. Рабов использовали для тяжелых работ, включая земледелие, рыболовство и переноску тяжестей, а также для домашней работы. Ройс обращает внимание на коротко остриженные волосы как знак рабского статуса [13. Р. 34–35].

С. Морли в обобщающем труде «Древние майя», в котором были изложены основные постулаты «теократической концепции», выделял рабов в качестве одного из классового общества майя, наряду со знатью, жречеством и простонародьем. Он первым предположил, что, вопреки распространенной точке зрения, опирающейся на известное сообщение де Ланды, рабство существовало уже в классический период, о чем свидетельствуют изображения фигур пленников на монументах майя, хотя отмечал, что они могли аллегорически представлять все свое сообщество целиком. Для эпохи «Нового царства» (постклассический период) Морли выделял пять возможных источников рабства: 1) родиться рабом; 2) в наказание за воровство; 3) попасть в плен; 4) быть сиротой; 5) быть купленным [14. С. 175].

Э. Томпсон в своих работах 1950-х гг. в основном упоминает рабов в ритуальном контексте (заупокойные жертвы, человеческие жертвоприношения), ничего не говоря об их социальном статусе или экономической роли [15. Р. 128, 129, 132].

Всего несколько предложений в тексте своей книги уделил проблеме рабства М. Ко, считавший, что рабы были в основном общинниками, захваченными в плен. При этом, несмотря на наследственность рабства, человек мог быть выкуплен родственниками [16. С. 146]. В обзорной монографии британского археолога Н. Хэммонда «Цивилизация древних майя» рабы вообще не упоминаются [17. Р. 196–197].

С. Хаустон и Т. Иномата полагают, что рабы были важным компонентом общества майя, но их численность неизвестна. Исследователи отмечают, что источники слабо различают рабов и более широкую категорию домашних слуг, но всегда можно разделить рабов и пленников для жертвоприношений [18. Р. 46–47].

В мексиканской историографии уделялось больше внимания проблеме рабства. При этом если про рабство у науа писали еще в первой половине XX в., в т.ч. и специально [19], то отдельных работ, посвященных рабству у майя, не было. Усиление внимания к этой проблематике во второй половине XX в. вызвано распространением идей К.А. Витфогеля и влиянием марксизма [20; 21].

А. Вилья Рохас выделял рабов (*ppentacob*) в качестве одного из трех социальных классов общества майя Юкатана наряду с знатью и «плебеями». Основными источниками рабства он считал войну и наказания за преступления. Обращение с рабами было крайне суровым, их воспринимали почти

как животных. Хозяйственные функции рабов мексиканский этнолог считал крайне важными: именно они обрабатывали земли знати и общинной верхушки. Исследователь также обратил внимание на сведения «Хроники из Калькини» о стоимости рабов [22. Р. 38–39].

Р. Пинья Чан, не фокусируясь специально на рабовладении, в своих работах постоянно упоминал рабов в качестве важного элемента мезоамериканской социальной структуры постклассической эпохи, входивших в «низшие сословия» наряду с ремесленниками, торговцами, слугами и простым народом [23. Р. 87, 115, 158]. Применительно к классическому периоду он отмечал, что существование рабов, в которых обращали пленников, вероятно, хотя и не доказано [24. Р. 186–187].

Значительное внимание уделял теме рабства А. Рус, бывший, пожалуй, одним из наиболее значимых теоретиков в мексиканской мезоамериканистике 1960–1970-х гг. В 1950-е — начале 1960-х гг. его взгляды на социальное устройство майя не представляли особой новизны, а раздел о рабстве в книге «Цивилизация древних майя», представляющей собой текст курса лекций, читавшихся в университетах Кубы в 1954–1955 гг., практически не отличался от того, что говорилось у Морли [25. Р. 58, 61]. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Рус знакомится с работами французских неомарксистов и воспринимает их идеи об азиатском способе производства [21]. В обновленной версии «Цивилизации древних майя» он предполагает, что у майя не было частного рабства, а сложилась свойственная азиатскому способу производства схема «поголовного рабства» — всеобщей зависимости основных производителей от государства [26. Р. 76, 78]. Наиболее ярко взгляды А. Руса на специфику майяского рабства с упором на принципиальное отличие от модели рабовладельческого общества выражены в лекции, прочитанной в Университете Сан-Карлос (Гватемала) в 1974 г.: «Нельзя говорить о системе рабства в индивидуальном смысле. Индивиды не были рабами, а существовало то, что Маркс называл „поголовным рабством“, то есть деревни, сельские общины в общем были порабощены государством. Не существовало рабовладельцев или системы, в которой рабы обеспечивали основу трудовой силы. Не индивиды как таковые были рабами (хотя их и было некоторое ограниченное количество), а деревни, сельские общины были порабощены теократическим государством» [27. С. 280].

Однако к концу 1970-х гг. радикализм в трактовках смягчается. В статье, посвященной трибутарному способу производства у древних майя [28], Рус вообще не затрагивает тему рабства, а в опубликованной посмертно его обобщающей книге «Народ майя: вчера и сегодня» [29], где много говорится о характере общества майя как принадлежащего к азиатскому (трибутарному) способу производства, вновь характеризует рабов как социальный класс: «Другим классом, стоящим на еще более низком уровне и также несшим бремя производства (хотя, вероятно, в меньшей степени), был класс

рабов — пентакооб. Хронисты уточняют, что в рабство обращали за совершение уголовных преступлений, за долги; рабами становились попавшие в плен во время войн; рабами были и дети рабов. Раб не пользовался никакими правами; он был обязан работать в частных хозяйствах (знати или богачей). Раб участвовал в производстве, но того, что он получал, хватало лишь для скудного существования, кроме того, он всегда был в положении потенциальной жертвы при человеческих жертвоприношениях» [30. С. 116–117].

Ученица Руса А.Л. Искьердо попыталась охарактеризовать правовой статус рабов в мезоамериканских обществах накануне Конкисты, опираясь на раннеколониальные источники [32]. Хотя основной упор был сделан на центрально-мексиканских данных, использовались и данные по майя. Исследовательница предположила, что основным термином для обозначения рабов было не *p'entac* (*ppentac*), а *winkil* [33. С. 367].

Подъем интереса к проблеме рабства в 2020-е гг. начинается в контексте нового роста внимания к вопросам неравенства, зависимости и ассиметричных социальных отношений. Американская исследовательница К. Гальперин приходит к выводу, что рабы и рабыни (непосредственный объект ее исследований) не могут быть опознаны по археологическим данным. Источники классического периода позволяют лишь определить знатных пленников, которые были предназначены для жертвоприношений [33].

Рабство по данным раннеколониальных словарей языков майя

В историографии традиционно использовались словарные данные из двух основных регионов культуры майя — Северного Юкатана и горной Гватемалы. С одной стороны, это было два основных региона миссионерской деятельности в XVI–XVII вв., и здесь было создано большое число словарей и грамматик языков майя. Наши исследования торговли майя [34] показали, что материалы менее известных языков майя колониального периода из горного Чьяпаса (цельталь, цоциль) также могут быть крайне информативными. В то же время следует принимать во внимание, что перевод доиспанских социальных терминов не всегда отличался точностью. Для них использовались разные испанские слова — *esclavo* / *siervo* и образованные от них *esclavitud* / *esclavonia* / *servidumbre*, а иногда *cautivo* («пленник»).

«Словарь из Мотуля», составленный Антонио де Сьюдад Реалем около 1590 г., — один из самых полных словарных источников по староякатекскому языку [35]. Он содержит около десятка лексем, связанных с рабством. Судя по ним, на Северном Юкатане важным критерием считался пол раба. Так, *munach* обозначал рабыню («пленница, рабыня или невольница (*sierva*); дочь рабов, которые были куплены или проданы» [35. С. 535], а абстрактное существительное *munachil* означало «рабство» [35. С. 535]. Однокоренное существительное *ah munil* также обозначало рабыню [35. С. 535] (при том,

что *ah-* — это мужской префикс); оно было образовано от абстрактного существительного *munil* — «рабство рабыни, плен, рабство» [38. С. 535]. Раб мужского пола назывался *p'entak* (<*ppentac*>) — «купленный или проданный раб», «пленник или невольник» (<*siervo*>) [35. С. 663]. От этого термина образованы абстрактное существительное *p'entakil* (<*ppentacil*>) — «рабство (*servidumbre*)» [35. С. 663] и глагол *p'entaktah* (<*ppentactah*>) — «пленять, делать рабом или держать в рабстве, или владеть другим [человеком]» [35. С. 663], *ah pentaknal* (<*ah ppentacnal*>) — «хозяин или господин рабов» [35. С. 42].

В опубликованной транскрипции Венского «Словаря языка майя» есть только глосса <*ppen tac*> — «купленные или проданный раб» [36. С. 327], однако в факсимиле текста в том же издании присутствуют <*mun ach*>, <*ah munil*>, <*munach uincil*> — «женщина-рабыня» [36. Fol. 96v]. А в одном из лексических примеров к глоссе «свободный» приводится фраза <*ma ppen tac* [1.] *ma yal mun ach*> — «свободный, не раб, рожденный свободным» [39. С. 443], которую буквально следует переводить как «не раб, не сын рабыни». Таким образом, уже в этом словаре, датированном второй половиной XVI в. и служившем, по мнению Р. Акуньи, одним из источников «Словаря из Мотуля», прослеживается различие между рабом и рабыней. Такое же различие встречается в «Словаре из Тикуля» (около 1690): *munach* «рабыня» [37. С. 121], *p'entak* (<*pentac*>) «раб» [37. С. 157] и в «Словаре Сан-Франсиско» (XVII в.): *munach* (также <*ah munil uincil*>) «невольница, рабыня» [38. С. 179], *p'entak* (<*ppentac*>) «раб» [38. С. 179]. Аналогично рабов и рабынь различают некоторые нарративные источники. В «Хронике из Калькини» (подробнее о ней см. ниже) подаренная испанцам рабыня Иш-Чан-Вициль называется *munach*, а раб На-Хав-Цель — *p'entak* [39. С. 44].

Существует ряд других терминов, в некоторых случаях переводимых как «раб», однако анализ их семантики показывает, что изначально они обозначали несколько иные категории.

Лексема *winkil* / *winikil* (<*uincil*>, <*uincil*>) переводится как «рабыня, невольница» в «Словаре из Мотуля» [35. С. 760] и «Словаре Сан-Франсиско» [40. С. 170], однако в Венском «Словаре языка майя» встречается лишь в составе композита *munach winkil* [36. Fol. 96v]. Без сомнения, эта лексема образована от общемайяского *winik* — «человек» и не может считаться общим термином, как полагает А.Л. Искьердо, опираясь на трактовку Р. Арсаполо («они не могли выполнять социальные и духовные обязательства, которые предъявлялись в людям или *winic*») [31. С. 367]). В «Хронике из Калькини» *winik* используется не как синоним к *p'entak*, а как параллельный термин:

1) <*he Ah Kin Canul lae u p'entac yah cuchob yetel u uinic he tu yabhal cuchì*> — «этот Ах-К'ин-Кануль, его рабы — его носильщики вместе с его людьми, которых раньше было много» [39. С. 57]; 2) <*hotul u p'entac — u yumob hotulix u uinic xan tu tan cabal Ah Kul Canche*> — «пятеро было рабов его

отцов и также пятеро было его людей во дворе Ах-К'уль-Канче» [39. С. 58]. Судя по этим примерам, *winik* было общим термином для зависимых людей, не входящих в число рабов.

Еще один термин — *paalil* (абсолютная форма *paalbil*). Перевод «невольник» (*sieervo*) встречается в «Словаре из Мотуля» [35. С. 624], в одном из лексических примеров в Венском «Словаре языка майя» (<*paaliltah*> — «пользоваться кем-либо, иметь кого-либо невольником или слугой» [36. С. 593]) и в «Словаре из Тикуля» (<*paalbil*> [37. С. 141]). Однако во всех словарях основным является значение «паж, слуга, мальчик-прислужник», и ясно, что *paalil* образовано от *paal* — «ребенок, маленький мальчик или девочка» [35. С. 624; 36. Р. 474].

Совсем редкий термин *ch'okteil* (<*chocteil*>) — «плен, рабство» [38. С. 265], встречающийся также в «Словаре Сан-Франсиско» [38. С. 88], является абстрактным существительным, образованным от незафиксированной лексики **ch'okte*. Нет сомнений, что это заимствование из чоланских языков, где *ch'ok* означает «юноша, молодой»: пр.-члн. **ch'ok* — «юный, ребенок» [40. С. 119], члт. <*choc*> — «мальчик, девочка» [41. С. 47]; чрт. *chok* — «молодой, мягкий» [42. С. 125]; чл. *ch'oc alal* — «младенец» [43. Р. 54.]; чнт. *ch'oc* — «ново-рожденный, младенец, дитя», «сын, дочь» [44. С. 104].

Несмотря на то, что многие словари считают слова «раб, невольник» и «пленник» синонимами, мы видим, что в староюкатекском существовала специальная терминология для военнопленных, образованная от глагола *bakzah* «пленять». В «Словаре из Мотуля» мы встречаем глагол *bakzahtah* «пленять или брать в плен на войне, или лишать имущества, пленник или сдавшийся в плен» и абстрактное существительное *bakzahil* — «плен» [35. С. 64]. Венский «Словарь языка майя» также относит пленников в отдельную категорию: <*bacçah*> — «пленник на войне» [36. С. 177].

Таким образом, словарные материалы дают нам следующую картину для общества юкатанских майя накануне Конкисты. Основными терминами для обозначения рабов были *p'entak* («раб») и *munach* («рабыня»), ряд словарей уточняет, что это были купленные или рожденные в доме рабы. Специального термина для долгового раба не существовало. Военнопленные обозначались специальным термином *bakzah*. Термин *paalil*, вероятно, обозначал детей, отданных для прислуживания в доме.

Т. Кауфман и У. Норман уверенно реконструируют для проточоланского **mun* («раб») [40. С. 126], однако материалов по чоланским языкам гораздо меньше, чем по юкатекским. Восточно-чоланская подгруппа представлена майя-чольти, который известен по словарю с грамматикой и списку вопросов для исповеди и текстам некоторых молитв, сохранившихся в «Рукописи Морана» (1695), которая традиционно приписывается падре Франсиско Морану, но была создана при участии нескольких испанских миссионеров [45. Р. 13–21].

Хотя социальный лексикон словаря Морана довольно ограниченный, он включает два слова для раба — <*mun*> и уже упомянутое выше <*pentac*> [41. С. 32]. Абстрактное существительное <*munil*> «рабство» образовано стандартно, а во втором случае наблюдается метатеза: *p'etankil* (<*petanquil*>) вместо ожидаемого *p'entakil* [41. Р. 32, 60]. Различия между рабами мужского пола и рабынями в имеющихся материалах не прослеживается.

Западно-чоланская подгруппа представлена акаланским чонталь, носители которого жили на побережье залива Кампече (современные штаты Кампече и Табаско, Мексика). Он известен по тексту исторического содержания, созданному в 1610–1612 гг. по заказу энкомендеро Франсиско Мальдонадо и входящему в состав судебного сборника известного как «Документы Пашболон-Мальдонадо» [46; 47]. В чонтальском тексте рабы прямо не упомянуты, однако в параллельном испанском тексте есть фрагменты, на которые в свое время обратили внимание Ф. Шольс и Р. Ройс. Листы 71r-71v рукописи содержат список из 76 поселений, находившихся под властью чонтальских правителей. Соответствующий список на испанском содержит схолии. Схолия к поселению Тачакам сообщает: «которое сейчас зовется Чунаб и населено *meya uinicob*» [46. С. 369]. Ниже в тексте повествуется об экспедиции Пабло Пашболона за беглыми индейцами в 1568 г.: «И они вновь бежали в 1568 году, и он вновь нашел всех их вместе с теми, кто бежал до крещения, живущими в поселении Чакам. А причина, по которой бежали те старики, была в том, что их могли продать и притесняли их хозяева, ибо они были рабами (*esclavos*) царя и других вельмож» [46. С. 377]. Сравнив два этих пассажа, Шольс и Ройс пришли к выводу, что <*meya uinicob*> обозначало рабов [46. С. 56]. С этим выводом сложно согласиться, поскольку перед нами несомненный юкатекизм, образованный от существительного *meyah* — «работа», которое, в свою очередь, является сокращением от *menyah* — «работать и делать работу руками», «работа и труды» [35. С. 520]. Как отмечает Р. Акунья, подобное сокращение особенно характерно для Венского «Словаря языка майя» [36. Р. 267, nota 212]. Таким образом, <*meya uinicob*> следует переводить как «работники», однако, как было показано выше, в староякатекском этот термин никогда не использовался для обозначения рабов. Возможно, что речь идет о лично свободных безземельных зависимых работников наподобие астекских майеков или кичеанских нимак-ачи [48; 49].

Достаточно разнообразна терминология, связанная с рабством и прочими формами зависимости, в колониальных словарях языков майя горного Чьяпаса (цельталь и цоциль).

Общий термин, приведенный в словаре цельталь Доминго де Ары, это *munat*, который переведен на испанский как *siervo* [50. С. 339]. Внутри этой категории различались рабы-мужчины (<*xichoc munat*>, от <*xichoc*> — «мужчина» [50. С. 245]) и рабыни (<*antzil munat*> от <*antz*> — «женщина» [50. С. 245]). Помимо этого, был еще термин <*yogholna*>, также переведенный как

«невольник» (*siervo*) [50. С. 311]. Неопубликованный испанско-цельтальский словарь для глоссы «раб» (*siervo*) помимо *<munat>* дает варианты *<vinac>*, *<tzac>* и *<yogholna>* [51. Fol. 180r]. Далее уточняется, что *<yogholna>* это «раб, рожденный в доме», так же, как и новый термин *<yal qmunat>* [51. Fol. 180r]. Что касается *<tzac>*, то он происходит от глагола «хватать» и обозначает рабов-военнопленных. В свою очередь глосса *<vinac>* скорее всего относится к зависимым людям вообще. Э. Калнек также приводит глоссу *<ghanah>* (*siervo*) [52. С. 34], но ее источник неясен.

Цоцильская терминология в основе своей схожа с цельтальской. Помимо общего термина *munat*, который Р. Лафлин транскрибирует как *mu'nat* [53. С. 261], выделяются также рабыни (*<antzil munat>* [53. С. 136]), «купленный раб» (*<manbil munat>* с явно ошибочным переводом «купленный пленник» [53. С. 255]), рабы-пленники (*siervo tomado*) *<ghtzoc>* [57. С. 1085] или *<tzoquil>* [53. С. 820]. В транскрипции и в аналитическом словаре пропущена присутствующая в факсимиле глосса *<ghpocototol>* («раб, рожденный в доме»; букв. «старый домашний» [53. С. 1085]). Примечательно, что этот термин для наследственного раба отличается от цельтальского. Э. Калнек приводит для этой категории рабов еще один термин *bocal* [52. С. 35], однако это ошибка, а в действительности речь идет о недавно обращенном в рабство (в орфографии XVI в. *boçal*, а в современной *bozal*). Соответствующую глоссу *<achulel munat>* Лафлин анализирует как *'ach' hulel mu'nat* («свежеприбывший раб») [53. С. 130]. Как и в цельталь, слово *<ghvinic>* [53. С. 1085], очевидно, обозначало не рабов в узком смысле, а все категории зависимых людей.

Таким образом, в обществах горного Чьяпаса накануне Конкисты мы видим крайне широкую гамму терминов для различных категорий рабов: купленные, военнопленные, выросшие в неволе и недавно поработанные. В обоих языках существовало также абстрактное существительное *<munatil>* — «рабство» [50. С. 339; 53. Р. 261]. Все это коррелирует с крайне высоким уровнем развития торговли и торговых отношений в регионе [34]. Интересно, что в цоциль рабам явно приписываются негативные характеристики: *<munatil>* это еще и «обжорство», а *<munatil vinic>* — «обжора» [53. С. 261].

Очень обильные данные о различных формах рабства происходят из обществ горной Гватемалы. В основном это киче и какчикели, но имеются также материалы по покомам, цутухильям и мамам.

Наиболее частым обозначением раба является *mun*. Эта лексема и производное от нее абстрактное существительное *munil* («рабство») встречаются в киче [54. С. 451; 55. Р. 252], какчикель [56. Р. 206, 522; 57. Folio 130r], поком [58. С. 300; 59. Р. 118], цутухиль [60. С. 80], а также включена в сводный словарь кекчи [61. С. 230]. В словаре какчикель фрая Томаса де Кото отмечается, что *munil* это «плен или рабство как оное негров» [56. С. 94]. Согласно «Сокровищу языков какчикель, киче и цутухиль» фрая Франсиско Хименеса,

составленному в начале XVIII в., *tun* и *tunil* являлись общими для всех трех языков [62. С. 399]. В словаре поком уточняется, что *tun* обозначает рабов без различия пола, купленных или взятых в плен на войне [59. С. 118]. В словаре мам (1644 г.) нет слова «раб», но есть однокоренные слова *tunilbib* и *tuniltizibib* («служба») и глагол *tunilan* («служить») [63. С. 131].

В особую категорию выделялись рабы, рожденные в неволе. В киче и какчикель они назывались *alabitz* [55. С. 188; 56. Р. 206, 522; 62. Р. 69], образованным от *alab* / *ala* («ребенок») [55. С. 75; 54. Р. 337; 56. Р. 359]. В сводном словаре кекчи *alab* / *alabil* переводится как «юноша, серв, раб» [61. С. 34]. При этом в поком ситуация ровно обратная: родственная лексема *alah* («свободный, не раб, не подвластный») [59. С. 4] обозначала свободных. Исходя из этого, термин *alabitz* следует считать кичеанским новообразованием.

В третью категорию выделяются военнопленные. В киче и какчикель они назывались *kanab* / *kana* (киче <*canab*> [54. С. 361; 62. Р. 156]; какч. <*cana*> [62. С. 156]), что буквально означает «добыча» по аналогии с охотничьей добычей [64. С. 151]. В поком мы встречаем когнат *kinab* (<*quinab*> — «военнопленный... и говорится о животном, плененном или пойманном в ловушку...») [59. С. 170]).

Другим термины для военнопленных были *teleche* в киче и какчикель [65. С. 235; 62. Р. 527] и *telemche* в поком [58. С. 300; 59. Р. 191]. Этот термин был образован от глагольного корня *tele* / *teleh* «носить на плечах» [54. С. 496]. По мнению Р. Кармака, у киче так назывались рабы, которых доставляли в столицу Утатлан из других регионов [64. С. 151].

Во всех языках, задокументированных в колониальную эпоху, встречается также пренебрежительная кличка *tz'i* (букв. «собака»), применявшаяся к рабам: киче <*tzij*> — «раб» [54. С. 511], какчикель <*q.ij*>, <*q.ijl*> — «рабство» [56. С. 206], <*tziil*> — «рабство» [62. С. 564]. В словаре де Кото указывается, что «в древности „собака“ означало раба, взятого на войну» [56. С. 206]. Согласно словарю поком, опубликованному Л. Фельдманом, *tz'i* не было отдельной лексемой, а добавлялось к *tun* («вместе с *tun* означает раб: *tun tzi quinab*» [59. С. 203], однако в словаре, опубликованном Р. Акуньей, встречается и <*tzi*> как «раб» и абстрактное существительное <*tziil*> — «рабство» [58. С. 300].

Аналогично другим группам языков майя, в кичеанских и поком для обозначения рабов используется термин *winaqitz*, этимологически связанный с *winaq* («человек»). В словаре какчикель Томаса де Кото <*vinakitz*> дается как синоним к <*alabitz*> и указывается, что это рожденный в доме раб (посессивная форма <*nu winak*>) [56. С. 366]. Франсиско Хименес переводит <*vinaquit*> как «раб или слуга (*criado*)» [62. С. 592]. В словарях поком аналогичная лексема не встречается независимо, а использовалась в составе композита *lok winak* (<*lok vinak*>, букв. «купленный человек»), обозначавшего купленного раба [58. С. 300; 59. Р. 103].

Р. Хилл резонно полагает, что *winakitz* было общим обозначением всех незнатных, включая как свободных, так и зависимых людей [66. С. 153]. В пользу этого говорит и анализ текстов, записанных латиницей на киче и какчикель в XVI в. В «Пополь-Вух» корень *winaq-* в этом значении встречается единожды в параллелизме «они стали рабами, они были поработаны, их сделали рабами» (*k'ut xok chi munil xealab'ilaxik xewinaqix puch*) [65. С. 223]. В «Анналах какчикелей» *winaq* также преимущественно используется в сочетании с другими терминами:

1) *xkirayij k'a ruxit, rupwaq, ralab'il, ruwinaq kitata'*, «они возжелали жад, драгоценные металлы, рабов и людей их отцов» [66. С. 171];

2) *mixray'ix walab'il, nuwinaq, nuxit, nupwaq*, «им были желанны мои рабы, мои люди и мой жад» [66. С. 181].

Хорошо видно, что «люди» — это не синоним к «рабы» (*alabil*), а еще одна из категорий имущества царя киче Кикаба (ок. 1425–1475), которое возжелали его сыновья Тата-Йак и Ах-Ица, организовавшие против него заговор.

В третьем примере Кикаб обращается к воинам с призывом вернуть останки его отца Кукумаца (ок. 1400–1425), покоящиеся в городе Коха: *ja ri ru-b'aq-il nu-tata' tan k'oj chi la' Koja' tan ok-inaq ru-winaq* («Кости моего отца до сих пор там, в Коха. Он стал их человеком» [66. С. 676]. Хотя Дж. Максвелл и Р. Хилл переводят здесь *ru-winaq* как «их раб», по контексту ясно, что имеется в виду более широкое значение: пока кости правителя находятся в руках его врагов, он продолжает находиться в их власти и зависит от них.

Т. Кауфман реконструирует лексему **miin* («раб») для протомайя и комментирует, что этот термин обозначал человека, находящегося «в состоянии службы, когда хозяин решает, какую работу должен делать раб» [67. С. 91]. После испанского завоевания значение этого термина изменилось и от корня *tiin-* были образованы термины «работа» и «служба для общины». Подобный семантический переход вполне ожидаемый (ср. переход раб > работа в славянских языках). В то же время трудно представить, что в обществе протомайя конца III тыс. до н. э., организованном в раннеземледельческие общины, могли существовать рабы в прямом смысле. В этом плане очень привлекательно выглядит связь между **miin* («раб») и лексемой **miin* («незрелый», «мягкий», «юный»), реконструируемой для протоюкатекского, вероятным когнатом которого может быть протокичеанское **munibal* («фрукт»). В таком случае термин для раба мог бы происходить от обозначения ребенка. Эта модель, как мы видим, была крайне продуктивна в языках майя.

Сравнительный анализ терминологии, связанной с рабством в различных языках майя, позволяет реконструировать более поздние траектории развития. Так, термин *p'entak* в староюкатекском интересен тем, что он, по-видимому, представляет собой заимствование из чоланских языков. Хотя корень *p'en* засвидетельствован в староюкатекском в значении «блудить»,

«прелюбодействовать», «Словарь из Мотуля» уточняет, что это «грязное слово» [35. С. 663], суффикс *-tak* не является в юкатекских языках продуктивным, в то время как в чоланских языках он используется для образования собирательных существительных, обозначающих группу людей и в этой функции засвидетельствован в иероглифическом майя (*ch'oktaak* — «юноши», *'ajawtaak* — «владыки»). Лексема *p'en* в чоланских языках помимо значения «блудить», «блуд» (ср. чольти *<pen>* — «блуд», *<pene>* — «блудить», *<ahpen>* — «прелюбодей» [41. С. 32]) является также основой для термина родства *p'enel* — «сын (по отношению к отцу)» (пр.-члн. **p'en-el* — «сын/дочь мужчины» [40. С. 129]; чоль *p'eñel* — «сын (отца)», «сперма (мужчины)» [43. С. 76]; ст.-чнт. *<ppenel>* — «сын» [47. С. 165]). Очевидно, собирательный термин *p'entak* в чоланских языках изначально обозначал домочадцев мужского пола («чадь»), а затем был перенесен на рабов. К сожалению, в силу скудости словарных материалов по чоланским языкам колониального времени, у нас есть только пример *<pentac>* — «раб» в чольти [41. С. 32].

Тот факт, что *p'entak* не является исходным юкатекским термином, подтверждается текстами книг Чилам Балам, в которых это слово встречается относительно редко. В пророчестве к двадцатилетию 11 Ахав в Чилам Баламе из Чумайеля приход испанцев описывается следующим образом: *<he ualac cu talele ppentacil than ppentac ... tunich ppentac uinic>* («Вот что придет тогда: власть поработать, рабство на строительстве, рабство людей» [68. С. 89]). Однако основной термин, связанный с рабством, — абстрактное существительное *munal*:

3) *he ix tziu nene lay ti ocez keban toon u munnal cab ca ti tali* (CHU 12) [69. Р. 59] («Это Иш-Цив-Нен ввела нас в грех, тогда пришло рабство в страну» [68. С. 77]);

4) *lai u munal u kax cuch katun ti ho ahau katun* (TIZ 5r) [70. С. 85] («это рабство — это ноша двадцатилетия в двадцатилетие 5 Ахау»);

5) *u munal u tzacil u baxal katun* (TIZ 5v) [70. С. 85] («рабство — это завет и судьба (букв. „игра“) двадцатилетия»);

6) *ti tun u munal ah cap uah tun* (TIZ 6r) [70. С. 86] («в год рабства, год Ах-Кап-Ваха»);

7) *lai u munal ah emal bay ix holtun suiua* (TIZ 11r) [70. С. 93] («это рабство людей из Эмаля, а также Хольтун-Суйва»).

Интересным представляется также сравнение цельталанского *munat* и юкатекского *munach*. Переход */t/ > /ch/* в финальной позиции характерен для юкатекских языков, что предполагает наличие общей праформы **munaty* [71. С. 61]. В то же время протоюкатекский отделился от других языков майя достаточно рано, в начале II тыс. до н.э., а в других языках такой словоформы нет. Кауфман считает форму *#mun.aty* собственной языкам низменностей [71. С. 61], однако в чоланских она пока

не засвидетельствована. В то же время видно, что в юкатекских языках продолжала существовать исходная основа *mun-*. Все это, а также специфическое значение *munach* в юкатекском заставляет предположить, что перед нами заимствование, аналогично *p'entak* (о нем см. выше). В то же время цельталанские языки непосредственным источником этого заимствования быть не могли, поскольку их носители не контактировали напрямую с юкатеками. Возможны два варианта: 1) *munat* это проточолано-цельталанская инновация, затем заимствованная в древнеюкатекский (однако, этому противоречит лексема *mun* в чольти); 2) *munat* это западно-чоланская инновация, затем заимствованная в цоциль и цельталь и в юкатекские. В любом случае распространение лексем *munat* и *p'entak* скорее всего связано с формированием общего социокультурного пространства на территории цивилизации майя низменностей в позднеформативный и классический период (III в. до н.э. — IX/X вв. н.э.).

Экономические функции и правовой статус рабов в обществах майя по данным раннеколониальных источников

Как говорилось выше, вопрос об экономических функциях рабов в древних обществах был крайне важен для советской историографии. К сожалению, информации об этом не так много, и она рассыпана в различных источниках XVI в. испанского и индейского происхождения.

Берналь Диас дель Кастильо, передавая рассказ Херонимо де Агиляра, который попал в плен на Юкатане после кораблекрушения в 1511 г., пишет, что, будучи рабом, он выполнял тяжелые работы (переноска дров и воды и обработка кукурузных полей), и в одном из таких случаев груз был настолько тяжел, что Агиляр не выдержал и рухнул [72. Р. 53–54]. Диего де Ланда просто сообщает, что Агиляра, Гонсало Герреро и их спутников использовали как рабов [73. С. 104].

Ордонансы Томаса Лопеса Медея (1520–1582), составленные в 1553 г. по итогам инспекции провинции Юкатан в 1552 г., запретили рабовладение и принудительное использование труда индейцев, требуя оплачивать его. Согласно этому документу, правители и знатные люди использовали рабов и невольниц «для службы в своих домах, и чтобы занять их в своих поместьях и на полях» [74. С. 97].

Несколько раз рабы упомянуты в «Хронике из Калькини» — сборнике документов, составленном на северо-западе Юкатана в конце XVI — начале XVII в. и излагающем историю владений династии Канулей. Текст 5 по членению О. Харады («Титул залежей Калькини, 21 апреля 1579»), описывающий границы владений общин, подчинявшихся городу Калькини, сообщает о необрабатываемых землях в районе озер Халаль и Цемес-Акаль, которые «будут обрабатывать поля люди из Мопилы, [начиная]

с нынешнего времени. без рабов в этой чаще» [39. С. 62]. Лексема *k'ax* обозначает чащу или лес [35. С. 414], т.е. нерасчищенные земли, так что в данном случае речь идет о том, что к вырубке и выжигу леса могли привлекаться рабы и крестьяне.

В другом фрагменте текста говорится, что рабы Ах-К'ин-Кануля, управлявшего городом Сакниктеч'ен, были носильщиками (<*yah cichob*>). Документ сообщает, что раньше рабов и людей у Ах-К'ин-Кануля было много [39. С. 57]. Помимо носильщиков, у Ах-К'ин-Кануля были еще рабы-рыбаки: «Хина, там у моря [провинции] Ах-Кануль, где имел лодки Ах-К'ин-Кануль. Их было четыре, на которых рыбачили рабы» [39. С. 90].

Описывая завоевание горного Чьяпаса, Берналь Диас сообщает, что чьяпанеки захватывали в плен майя-цоцилей, а также соке, селили их близ своей столицы и «держали их в рабстве и при их помощи обрабатывали свои посеы» [75. С. 115]. После первой битвы с чьяпанеками, испанцы остановили на р. Грихальва большое каноэ с десятью гребцами, которые оказались рабами, захваченными более 12 лет назад и вместе с женами и детьми переселенными в чьяпанекские владения, где они обрабатывали поля, ловили рыбу и занимались другими делами, а их жен и дочерей рабовладельцы брали в наложницы [75. С. 118].

В горной Гватемале рабы также применялись на различных работах, включая домашние и земледельческие. В «Сообщении правителей и знатных из города Атитлан» (1571) аристократы майя-цутухиль жаловались властям, что вынуждены сами обрабатывать поля и переносить тяжести, а их женщины занимаются помолкой кукурузы «в том, что наши рабы обыкновенно нам служить» [76. С. 436]. Кроме этого, после освобождения рабов, они потеряли свои владения и участки какао, которые из-за отсутствия присмотра якобы потравили попугаи [76. С. 437].

Правовой статус рабов в обществах Мезоамерики — один из тех вопросов, которые активно обсуждались в сочинениях испанских авторов XVI в. Так Бартоломе де Лас Касас, пытаясь опровергнуть обвинения индейцев в рабовладении, идеализирует их обычаи и утверждает, что хозяева относились к рабам с любовью и большой заботой, почти как к детям, налагаемые на них повинности были крайне легкими, а рабы же любили хозяев как своих отцов и братьев. У многих рабов был дом и участок, где они или со своей семьей практически как свободные, а те, кто жили в хозяйском доме, считались практически домочадцами [77. Р. 484–485]. Однако разбор конкретных примеров дает не столь идиллическую картину.

Диего де Ланда сообщает об обращении юкатанскими майя в рабство за кражу, «хотя бы была очень маленькая кража, и поэтому у них было столько рабов, особенно во время голода» [73. С. 157–158]. Помимо этого, в рабство обращали разведенных женщин и сирот [73. С. 136; 78. Р. 97]. Бедняки и простые люди Майяпана, которых, по словам Ланды,

порабощали правители из династии Кокомов, сопротивлялись этому с оружием в руках [73. С. 118]. Ярче же всего статус рабов, по нашему мнению, иллюстрирует фраза Ланды, что прелюбодеяния с рабынями не считались грехом, поскольку «они говорили, что законно употреблять свои вещи по желанию» [73. С. 152].

Сам Лас Касас в главах 234 и 236, а также 237–239 «Общей апологетической истории» детально описывает статус рабов в Гватемале (майя-киче) и в Верапасе, у майя-кекчи [5. С. 25–26].

Как сообщается в 234 главе, у киче существовало большое число причин, по которым человек мог стать рабом. Часть преступлений могла караться либо смертью, либо обращением в рабство, в их число входили инцест, ограбление храма, изнасилование, а также охота или рыболовство в чужих землях. Предавшие своего правителя или общину, или вассалы, бежавшие от своего господина, приговаривались к смерти, их имущество конфисковалось, а семьи попадали в рабство [81. Р. 1453–1454].

Согласно 236 главе, дети правителей и знати от наложниц-рабынь хотя и считались свободными, не могли наследовать власть и имущество [81. С. 1459]. Такой же обычай фиксируется и у майя-кекчи (глава 237) [81. С. 1468]. Эта норма подтверждается сведениями из «Летописей какчикелей», авторы которой подчеркивают, что дон Франсиско Ордоньес, претендовавший на титул «владыка Шпанцай» в начале XVII в., не мог считаться полноправным аристократом, поскольку был потомком Атуналя, сына главы дома Шпанцай по имени Кахи-Акбаль в 1524 г., рожденного от рабыни [70. С. 7].

Если человек согрешил с рабыней, то должен был выплатить возмещение в размере стоимости этой рабыни или чуть меньше, либо отдать хозяину другую рабыню. Однако прелюбодеяние хозяина с рабыней не рассматривалось в качестве нарушения, поскольку рабыни считались «собственной вещью, которая стоила им денег или была захвачена в справедливой войне» [77. С. 1462].

У майя-кекчи дети свободных женщин, вступавших в брак с рабом, оставались рабами. В рабство обращались женщины, уличенные в супружеской измене [77. Р. 1468–1469]. В 239 главе сообщается, что «тот, кто убивал, ранил или наносил любой другой урон своему рабу или рабыне, не нес никакого наказания, потому что говорили, что рабы были их имуществом или их богатством» [77. С. 1471]. Убийство же чужого раба каралось штрафом, который должен был выплатить преступник или его родичи.

Низкий статус рабов хорошо виден по различным наказаниям за прелюбодеяние. Если мужчина согрешил с рабыней, то он должен был выплатить штраф, а если слуга или раб вступал в связь с госпожой, то его убивали или продавали для принесения в жертву. В случае же прелюбодеяния раба и рабыни их обоих приговаривали к смерти [77. С. 1472].

**Эпиграфические свидетельства о социальной терминологии,
связанной с зависимым населением,
у майя позднеклассического периода (VII–IX вв.)**

Особенностью иероглифических текстов майя классического периода является то, что они преимущественно посвящены действиям царского и высшей знати, хотя в последнее время стало ясно, что они иногда упоминают и иные социальные категории. Надпись на фризе из Холмуля содержит фразу *paat kab winik* («люди из задней земли»), т.е. простолюдины из сельской местности [78. С. 155]. Как было показано Д.Д. Беляевым, А.И. Давлетшиным и А.В. Сафроновым, некоторые «титуты происхождения» обозначают представителей городских общин [79. Р. 38–39; 84].

Судя по различным данным, лексема *winik* обозначала людей вообще. Однако параллельно с ней в текстах появляется лексема *winaak*, значение которой более узкое.

В 1999 г. С. Хаустон и Д. Стюарт идентифицировали в надписи на Панели 3 из Пьедрас-Неграс фразу *'a-wi-na ke-na yo-ki?-CHAN*, *'a-winakee'n y-ook cha'n* («я — твой слуга, опора небес») [81. Р. II–19; 82. С. 587]. Это обращение одного из придворных к царю Ицам-К'ан-Аку III (729–757).

В схожем контексте лексема *winaak* появляется в надписях Паленке VIII в. Надпись на западной панели из Храма XXI [83] изображает придворного, обращающегося к царю К'инич-Акуль-Мо-Наабу III (722 — ок. 735): *he-na 'a-wi-na-ki 'a-ku-la MO'-na-bi*, *he'n 'a-winaak 'Ahku'l Mo' Naahb* («я — твой слуга, Акуль-Мо-Нааб»). В данном случае фраза записана с использованием фокусирующего местоимения 1 л., ед. ч. *he'n* («я»), а абсолютный показатель *-ee'n* опущен². Вертикальная подпись обозначает протагониста: *ch'o-ko ...-... 'u-tzi ...-...-a-'AJAW-wa*, *ch'ok ... 'Uutz ... 'ajaw* («юноша ...-Уц, ... владыка»). На прорисовке Л. Шили последний блок прорисован как **К'УН-БААК-ла-'AJAW**. Однако фотографии панели из Музея Паленке, сделанные автором статьи в 2017 г., показывают, что центральный элемент данного иероглифического блока состоит не из одного знака **БАК**, а как минимум из двух. Так что перед нами не «эмблемный иероглиф» Паленке, а иной титул, обозначающий младшего представителя какого-то царского дома.

Расколотая восточная панель Храма XXI [87], очевидно, содержала похожую запись, от которой осталось только *...-na-ki 'a-ku-la ...*, *['a-wi] naak 'Ahku'l [Mo' Naahb]*. Остатки подписи показывают, что на ней был изображен военачальник или вельможа, именуемый *... 'AJ-K'IN-ni-a*, *... 'Aj Kihna'* («..., человек из К'ина»). К'ина — древнее название левобережной части царства Пьедрас-Неграс [82]. Судя по титулам на обеих панелях, *winaak* обозначало разные категории «царских людей», зависимых от правителя, в т.ч.

² Благодарю А.И. Давлетшина за это важное наблюдение.

относительно высокого ранга, так же, как и в источниках, описывающих постклассическое общество и общество эпохи Конкисты.

Еще одно уникальное сообщение встречается в надписи на каменном основании для курильницы из Группы IV в Паленке [83]. Эта пространная и сложная надпись посвящена Басиль-Чиху из Сик'аба, одному из придворных царя К'инич-Ханаб-Пакаля I (603–683), занимавшему должности *тисакхуна* (хранителя царской короны) и *йахавк'ак'а* («владыки огня»). Под 701 г. (дата 9.13.9.11.7 4 Маник 10 Сак по календарю майя, 15.09.701) говорится: (E8) **mu-na?-ja-'u-?-...** (E9) **tu-CH'EN-na K'IN-ni-'AJAW** (F1) **'u-KAB-ji-ya-K'INICH-KAN-BALAM** (F2) **'ILA-ji-'u-sa-ja-la** (F3) **'AJ-si-k'a-ba, muhnaj 'u-... tu-ch'ee'n K'ihna' 'ajaw k'u-kabjiy K'ihnich Kan Bahlam 'ilaaj 'u-sajal 'aj Sik'ab** («были порабощены ... в городе владыки К'ина, как это повелел К'инич-Кан-Балам, свидетельствовал его сахаль, человек из Сик'аба»). По предположению А.И. Давлетшина глагол в блоке E8 это не **mu-ka-ja**, как считалось традиционно, а **mu-na-ja**, что является формой пассивного залога *muhnaj* («был порабощен» или «были порабощены»). Неизвестно кто был порабощен, однако ясно, что это произошло в К'ине (левобережной столице царства Пьедрас-Неграс). Судя по всему, это было связано с неизвестным ранее военным столкновением между Паленке и Пьедрас-Неграс в начале VIII в.

Заключение

Анализ лексических данных из раннеколониальных словарей, а также испаноязычных и индейских источников XVI — начала XVII вв. показывает, что терминология, связанная с рабством, у майя была достаточно развитой. Практически у всех народов присутствовал общий термин *туп*, описывающий именно рабов. Эта лексема с тем же значением реконструируется до протомайяского уровня. Лишь в староюкатекском языке накануне Конкисты *тупач* стало обозначать рабыню. Внутри широкой категории различались рожденные в неволе и купленные рабы, а особняком стояли военнопленные, для которых в разных языках майя существовали особые обозначения. Примечательно, что ни в одном из проанализированных словарей нет слова для долгового или кабального раба, хотя источники свидетельствуют, что это был один из важных способов пополнения рабов. Вторая общая лексема *winik / winak* использовалась для широкого обозначения зависимых людей незнатного статуса, включая рабов.

Сведения различных источников показывают, что вопреки широко распространенной точке зрения об относительной легкости рабства у майя, так же, как и в Старом Свете, рабы воспринимались как имущество своих хозяев. Рабыни в основном выполняли домашнюю работу, в то время как рабы использовались на различных тяжелых работах (расчистка и обработка

полей, переноска тяжестей, рыболовство). В целом статус рабов был достаточно низким и существенно отличался от статуса свободных. Потомки рабов были исключены из наследования и воспринимались как люди низкого происхождения даже по прошествии нескольких поколений.

Оба термина (*tun* и *winak*), известные по постклассическим и раннеколониальным данным, засвидетельствованы и в монументальных иероглифических текстах майя, что свидетельствует о вероятной типологической близости рабства и других форм зависимости в городах-государствах классической эпохи и в обществах майя накануне Конкисты.

Список литературы / References

1. Knorozov YV. "Relacion de las cosas de Yucatan" of Diego de Landa as a historical and ethnographic source. In: de Landa D. *Relacion de las cosas de Yucatan*. Moscow; Leningrad; 1955. P. 3–96. (In Russ.).
Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник // Сообщение о делах в Юкатане / Д. де Ланда. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 3–96.
2. Kinzhalov RV. *The Culture of Ancient Maya*. Leningrad: Nauka publ.; 1971. (In Russ.).
Кинжалов Р.В. Культура древних майя. Л. : Наука, 1971. 363 с.
3. Gulyaev VI. *The Maya City-States (Structure and Functions of the City in the Early Class Societies)*. Moscow: Nauka publ.; 1979. (In Russ.). EDN: VGTKLH
Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе) : монография. М. : Наука, 1979. 304 с. EDN: VGTKLH
4. Beliaev DD, Pakin AV. The Ruler and His Subjects in the Ancient Maya States. In: *The Ruler and His Subjects: Socio-Cultural Norm and Restrictions of the Individual Power*. Moscow: Russian Academy of Sciences Press; 2009. P. 123–151. (In Russ.). EDN: TFJGTV
Беляев Д.Д., Пакин А.В. Правитель и его подданные в государствах древних майя // Правитель и его подданные: Социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М. : Институт Африки РАН, 2009. С. 123–151. EDN: TFJGTV
5. Pakin AV. *Socio-Political Organization of the the Maya Society of Yucatan in the End of the Late Postclassic Period (1441–1541)*. (PhD diss.). Moscow; 2014. (In Russ.). EDN: ZPGYDL
Пакин А.В. Социально-политическая организация общества юкатанских майя в конце позднего постклассического периода (1441–1541 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. EDN: ZPGYDL
6. Fediushin VV. On the sources of surplus extraction of Maya nobility of the Late Postclassic period (13th — 1st half of 14th century). *Klio*. 2018;(4):44–53. (In Russ.). EDN: XMGUEP
Федюшин В.В. К вопросу об источниках прибавочного продукта майяской знати позднего постклассического периода (XIII — 1-я пол. XVI в.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 44–53. EDN: XMGUEP
7. Thompson JES. *The Civilization of the Mayas*. Chicago: Field Museum of National History; 1927.
8. Moreno MM. *La organización política y social de los aztecas*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1931.
9. Carrillo y Ancona C. *Historia antigua de Yucatan*. Mérida: G. Guzman y hermano; 1883.
10. Tozzer AM. *Landa's Relación de las Cosas de Yucatán: A translation*. Cambridge: Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University; 1941.
11. Thompson JES. *The Civilization of the Mayas*. 4th ed. Chicago: Field Museum of National History; 1942.

12. Gann T, Thompson JE. *The History of the Maya from the Earliest Times to the Present Day*. New York; 1931.
13. Roys RL. *The Indian Background of the Colonial Yucatán*. Washington: Carnegie Institute of Washington; 1943.
14. Morley SG. *La civilización Maya*. México: Fondo de Cultura Económica; 1947.
15. Thompson JES. *The rise and fall of Maya civilization*. London: Norman; 1956.
16. Coe MD. *The Maya*. London: Thames & Hudson; 1966.
17. Hammond N. *Ancient Maya civilization*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1982.
18. Houston SD, Inomata T. *The Classic Maya*. New York: Cambridge University Press; 2009.
19. Bosch García C. *La esclavitud prehispánica entre los aztecas*. México: Colegio de México; 1944.
20. Beliaev D. Karl A. Wittfogel and the formation of the concept of hydraulic state in Mesoamerica. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2020;(4–2):144–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-144-155> EDN: EUJJQP
 Беляев Д.Д. Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4–2. С. 144–155. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-144-155> EDN: EUJJQP
21. Beliaev DD. Tributary mode of production in Mesoamerica in Mexican historiography of the second half of the 20th century. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2021;(3):52–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-52-67> EDN: FXYYKR
 Беляев Д.Д. Концепция трибутарного способа производства в Мезоамерике в мексиканской историографии второй половины XX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 3. С. 52–67. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2021-3-52-67> EDN: FXYYKR
22. Villa Rojas A. Notas sobre la tenencia de la tierra entre los mayas de la antigüedad. *Estudios de Cultura Maya*. 1961;1:21–46. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.1961.1.196>
23. Piña Chán R. *Una visión del México prehispánico. 2a ed.* México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1993.
24. Piña Chán R, Cardos A, Castillo Tejero N. La cultura maya. In: *Los pueblos y señoríos teocráticos. El periodo de las ciudades urbanas. Segunda parte*. México, 1976; p. 165–245.
25. Ruz A. *La civilización de los antiguos Mayas*. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia; 1963.
26. Ruz A. *La civilización de los antiguos mayas*. La Habana: Editorial de las Ciencias Sociales; 1974.
27. Ruz A. Caracterización Socioeconómica de la Sociedad Maya. *Estudios*. 1975;(6):273–284.
28. Ruz A. El modo de producción tributario en el área maya. *Estudios de Cultura Maya*. 1981;(13):37–43.
29. Ruz A. *El pueblo maya, ayer y hoy*. México: Salvat Mexicana de Ediciones, Fundación Cultural San Jerónimo Lídice; 1981.
30. Ruz A. *The Maya People*. Moscow: Mysl publ.; 1986. (In Russ.).
 Рус А. Народ майя. М. : Мысль, 1986. 256 с.
31. Izquierdo AL. La esclavitud en Mesoamérica: concepto y realidad. In *Memoria del III Congreso de historia del derecho mexicano*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1984. P. 361–374.
32. Izquierdo AL. El derecho penal entre los antiguos mayas. *Estudios de Cultura Maya*. 1978;11:215–247. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.1978.11.515>
33. Halperin CT. Hidden histories of captive and enslaved Maya women in the Indigenous Americas. *Archaeologies*. 2024;20(2):383–416. <https://doi.org/10.1007/s11759-024-09506-8> EDN: EMVTWI

34. Tokovinine A, Beliaev DD. People of the road: traders and travelers in Ancient Maya words and images. In *Merchants, Trade, and Exchange in the Pre-Columbian World*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2013. P. 169–200. EDN: VMBPSH
35. Arzápalo MR. *Calepino de Motul. Diccionario Maya-Español. T. I*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1995.
36. *Bocabulario de Maya Than. Codex Vindobonensis N.S. 3833. Facsímil y transcripción crítica anotada*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1993.
37. *Diccionario español-maya de Ticul, 1690 [manuscript] transcrito por D. Juan Pío Pérez en 1836 y arreglado en 1847 por el mismo*. UPenn Ms. Coll. 700, Item 2. University of Pennsylvania, Rare Book & Manuscript Library, Berendt-Brinton Linguistic Collection.
38. *Diccionario maya-español del Convento de San Francisco en Mérida [manuscript] copiado por C. Hermann Berendt, M.D.* UPenn Ms. Coll. 700, Item 3. University of Pennsylvania, Rare Book & Manuscript Library, Berendt-Brinton Linguistic Collection.
39. *Códice de Calkiní*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 2009.
40. Kaufman T, Norman W. An outline of Proto-Cholan phonology, morphology and vocabulary. In: Justeson JS, Campbell L, eds., *Phoneticism in Maya Hieroglyphic Writing*. Albany; 1984. P. 77–166.
41. Moran F. *Arte y diccionario en lengua cholti: a manuscript copied from the Libro grande of about 1625*. Baltimore: Maya Society; 1935.
42. Hull K. *A Dictionary of Ch'orti' Mayan-Spanish-English*. Salt Lake City: University of Utah Press; 2016. <https://doi.org/10.2307/jj.33676932>
43. Aulie HW, Aulie EW. *Diccionario Ch'ol de Tumbalá, Chiapas, con variaciones dialectales de Tila y Sabanilla*. 3ª ed. (electrónica). México: Instituto Lingüístico de Verano; 2009. Available from: <http://www.sil.org/mexico/maya/choltumbala/S121a-Diccionario-ctu.htm> (accessed 12.09.2025).
44. Keller K, Luciano P. *Diccionario chontal de Tabasco*. México; 1997.
45. Robertson J, Law D, Haertel R. *Colonial Ch'olti'. The Seventeenth-Century Morán Manuscript*. Norman: University of Oklahoma Press; 2010.
46. Scholes FV, Roys RL. *The Maya Chontal Indians of Acalán-Tixchel*. Norman: University of Oklahoma Press; 1968.
47. Smailus O. *El Maya-Chontal de Acalan: Análisis lingüístico de un documento de los años 1610–1612*. México; 1975.
48. Carrasco P. Don Juan Cortés, cacique de Santa Cruz Quiché. *Estudios de Cultura Maya*. 1967;6:251–266. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.1967.6.294>
49. Carrasco P. Los mayequés. *Historia Mexicana*. 1989;39(1):123–166.
50. Ara D. de. *Vocabulario de lengua Tzeldal segun el orden de Copanabastla*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1986.
51. *Vocabulario de la lengua española y tzeldal*. Penn Libraries. University of Pennsylvania. Available from: <https://colenda.library.upenn.edu/catalog/81431-p39882x5x> (accessed 12.09.2025).
52. Calnek EE. *Highland Chiapas before the Spanish Conquest*. Provo: Brigham Young University; 1988.
53. Laughlin R. *The Great Tzotzil Dictionary of San Lorenzo Zinacantan with Grammatical Analysis and Historical Commentary*. Washington; 1988.
54. Basseta D de. *Vocabulario de la lengua Quiche*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 2005.
55. Dürr M, Sachse F, eds. *Diccionario k'iche' de Berlín. El Vocabulario en lengua 4iche otlatecas: edición crítica*. Berlin: Gebr. Mann Verlag; 2017.
56. Coto T. de. *Thesaurus verboru [m]: vocabulario de la lengua cakchiquel u [el] guatemalteca*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1983.

57. Vico D de. *Vocabulario de la lengua cakchiquel, con advertencia de los vocablos de las lenguas quiché y tzutuhil*. Ms. Américaine 46. Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Available from: <http://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc109664k> (accessed 12.09.2025).
58. Acuña R. *Arte breve y vocabularios de la lengua poqom*. México: Universidad Nacional Autónoma de México; 1991.
59. Feldman LH. *A Dictionary of Poqom Maya in the Colonial Era*. Lancaster: Labyrinthos, 2004.
60. Orellana S. *The Tzutujil Mayas: Continuity and change, 1250–1630*. Norman: University of Oklahoma Press; 1984.
61. Haeserijn E. *Diccionario K'ekchi' Español*. Guatemala: Editorial “Piedra Santa”; 1979.
62. Ximénez F. *Primera parte del tesoro de las lenguas cakchiquel, quiché y zutuhil*. Guatemala: Academia de Geografía e Historia de Guatemala; 1985.
63. *Vocabulario de la lengua mame*. México: Departamento de imprenta de la secretaria de Fomento; 1916.
64. Carmack RM. *The Quiche' Mayas of Uatatlán: The evolution of A Highland Guatemala Kingdom*. Norman: University of Oklahoma Press; 1981.
65. Mondlos J, Carmack R. *Popol Vuj. Nueva traducción y comentarios*. Guatemala: Universidad Mesoamericana; 2018.
66. *Kaqchikel Chronicles. The Definitive Edition*. Austin: University of Texas Press; 2006.
67. Kaufman T. Aspects of the lexicon of proto-Mayan and its earliest descendants. In: Aissen JL, England NC, Maldonado RZ, eds. *The Mayan Languages*. London: Routledge; 2017. P. 62–111. <https://doi.org/10.4324/9781315192345-4>
68. Knorozov YV. *The Writing of the Maya Indians*. Moscow; Leningrad, 1963. (In Russ.).
Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1963.
69. Miram H-M. *Transkriptionen der Chilam Balames. Vol. 1. Ixil. Chumayel. Nah*. Hamburg: Toro-Verlag; 1988.
70. Miram H-M. *Transkriptionen der Chilam Balames. Vol. 2. Tekax. Chanchah. Tizimin*. Hamburg: Toro-Verlag; 1988.
71. Kaufman T, Justeson J. *A Preliminary Maya Etymological Dictionary* [electronic resource]. FAMSI: Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies; 2003. Available from: <http://www.famsi.org/reports/01051/pmed.pdf> (accessed 12.09.2025).
72. Díaz del Castillo B. *Verdadera y notable relacion del descubrimiento y conquista de la Nueva España y Guatemala*. Guatemala: Tipografía Nacional; 1933:1.
73. de Landa D. *Relacion de las cosas de Yucatan*. Moscow; Leningrad, 1955. (In Russ.).
Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955.
74. López de Cogolludo D. *Historia de Yucatán*. T. 1. Campeche: Comisión de Historia, 1954.
75. Díaz del Castillo B. *Verdadera y notable relacion del descubrimiento y conquista de la Nueva España y Guatemala*. Guatemala: Tipografía Nacional; 1934. T. 2.
76. Relación de los caciques y principals del pueblo de Atitlán. *Anales de la Sociedad de Geografía e Historia*. 1952;(26):435–438.
77. Las Casas B. de. *Obras Completas. Apologetica Historia Sumaria III*. Madrid: Alianza Editorial; 1992.
78. Estrada-Belli F, Tokovinine A. A king's apotheosis: iconography, text, and politics from a Classic Maya temple at Holmul. *Latin American Antiquity*. 2016;27(2):149–168. <https://doi.org/10.7183/1045-6635.27.2.149>
79. Davletshin A, Beliaev D. A syllabic sign for [pe] in the Classic Maya inscriptions. *Revista Española de Antropología Americana*. 2022;52(1):29–44. <https://doi.org/10.5209/reaa.75786> EDN: RTGDBA

80. Beliaev DD, Safronov AV. Community structures among the Ancient Maya of the Western region in the Late Classic period: epigraphic evidence. *Conference "Historian and the Text: Dedicated to the 909th Anniversary of the Birth of the Academician Grigori Bongard-Levin. Moscow, Institute of General History, December 20–22"*. 2023, p. 13–14.
Беляев Д.Д., Сафронов А.В. Общинные структуры у древних майя Западного региона в позднеклассический период: эпиграфические свидетельства // Историк и текст: к 90-летию со дня рождения академика Григория Максимовича Бонгард-Левина : Всерос. науч. конф. (Институт всеобщей истории РАН, 20–22 декабря 2023 г.). М. : ИВИ РАН, 2023. С. 13–14.
81. Stuart D, Houston S, Robertson J. Recovering the past: Classic Maya language and classic Maya gods. In *Notebook for the XXIIIrd Mayan Hieroglyphic Forum at Texas. Pt. II*. Austin; 1999.
82. Beliaev DD, Safronov AV. Dynastic history of Yokib in the second half of the 8th century. In: *Questions of Epigraphy : Proceedings of the I International Conference*. 2013;7(1):533–599. (In Russ.). EDN: TVRCDH
Беляев Д.Д., Сафронов А.В. Династическая история Йокиба во второй половине VIII в. // Вопросы эпиграфики : материалы I Междунар. конф. Т. 7. Часть 1. / отв. ред. А.Г. Авдеев. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 533–599. EDN: TVRCDH
83. Cuevas García M et al. *Monumentos escultóricos de Palenque*. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia; 2025.

Информация об авторе:

Беляев Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3; старший научный сотрудник Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-код: 4705-6569.

Information about the author:

Dmitri Beliaev — PhD in History, Associated Professor, Knorozov Center for Mesoamerican studies, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, bldg. 3, Moscow, 125047, Russian Federation; senior research fellow, International Centre of Anthropology, National Research University Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya st, bldg. 3, Moscow, 105066, Russian Federation, e-mail: lakamha@mail.ru ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-code: 4705-6569.